

С. М. ПОЛОВИНКИН

Христиан Вольф и Михайло Ломоносов

Многие главную заслугу Вольфа видели не в его метафизике, а в формировании им новой системы образования: «Философия Вольфа была произведением отличного школьного учителя, и она породила школьный дух, желавший уместить весь мир в две, три формулы. Но, с другой стороны, она обладала не менее крупными преимуществами. Она приучила людей к логической аккуратности, к методическому распределению их мыслей и к тщательной проверке их знаний. В силу того, что ее логический схематизм сделался основой университетского преподавания в Германии, она воспитала нацию в привычке к строгому методическому мышлению. Вольф был учителем логики немецкого народа, и Кант почтил его именем творца духа основательности»*. Эта система образования захватила прежде всего Германию, а затем проникла в Европу и Россию. При этом Вольф предстает не как носитель метафизических или богословских идей, а как систематизатор полученного знания и методист изложения учебного материала. Сомнительные с ортодоксальной точки зрения богословские построения Вольфа отступали на второй план. Как просветитель Вольф стремился к максимальной доступности своих построений. Способы систематизации и дидактика Вольфа были пригодны в любой области. Европа увлеклась не «что», а «как» Вольфа. И еще: свои основательность и систематичность Вольф противопоставлял «легкомысленности» французской философии. По отношению к французскому материализму и атеизму вольфианство представляло как вполне благопристойное и притом новое, «научное». Поэтому вольфианство легко переплелось, прежде всего, с протестантским богословием.

Главным образом через Вольфа в Россию проникла «научная философия» Нового времени, дух «новаторов» XVII–XVIII веков, мода на рассудочную систематику. Однако в России некоторые идеи «новаторов» не были восприняты: механицизм, идеи Всеобщей Математики. Геометрический метод превратился в весьма неопределенno

* Виндельбан^д В. История новой философии. СПб., 1913. Т. 1. С. 422.

понимаемую рассудочность. Е. В. Спекторский¹ писал о Вольфе, однако это относится и к русским вольфянцам: «демонстрация получила иной характер — характер “разумных мыслей”, резонерства, утратившего уже связь с геометрическою интуициею и отчасти доказывающего разумность чего-нибудь и без того общепринятого»*. Но все же: «И вольфянский рационализм сыграл колоссальную позитивную роль в переходе русской философской мысли в стадию философии Нового времени»**.

Лейбницево и даже Вольфово понятие «монады» получило в России того времени весьма ограниченное хождение. А посему так называемое русское вольфянство нельзя причислять к лейбницианству и даже в полной мере, к вольфянству.

Как университеты и духовные школы Православной России могли принять философию «новаторов»? Прежде всего, следует отметить, что вольфянство есть «новая философия», но находящаяся в стадии стагнации, в схоластической стадии. Сам Вольф стремился синтезировать схоластику и геометрический метод. Неосхоластика вольфянства и в Европе, и в России выполняла свое двоякое предназначение: с одной стороны, продолжала традиции богословской схоластики (школьного богословия), с другой стороны, несла в себе методы «новой философии». Это давало возможность претендовать на создание единой системы науки, «новой философии» и традиционного богословия. При этом «новаторы» хотели растворить и науку, и богословие в философии. Это хотели сделать и Лейбниц², и Вольф. Однако эти цели остались скрыты для русских вольфянцев, по крайней мере, они их открыто не высказывали и не пытались, хоть и скрыто, реализовать. От Вольфа остался только «научно» схоластический метод, открывающий широкие возможности систематизации любого материала, в том числе и богословского. Вольфянская дидактическая система стала основой преподавания философии в духовных школах. И еще: для духовных школ «основательный» и «доказательный» Вольф представлял как антитеза легкомысленным и безбожным французским философам. Указом Синода 1798 году учебники вольфянца Фридриха Христиана Баумейстера³ (1708–1785) стали основой семинарского преподавания философии. В результате вольфянство не стало в России официальной философией государства или церкви, но лишь дисциплиной ума, универсальной дидактикой.

М. В. Ломоносов продемонстрировал типичное для русского вольфянства отношение к Вольфу. В своих «Заметках» 1756 года

* Спекторский Е. Проблемы социальной физики в XVII столетии. Т. 2. Киев, 1917. С. 304.

** Пустарнаков В. Ф. Философия Вольфа в русской духовно академической философии // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 184.

Ломоносов писал: «С тех пор как я прочитал Бойля, овладело страстное желание исследовать мельчайшие частицы.— О них я размышлял 18 лет» (ПСС. Т. 3, с. 241). Т. е. истоки своей «корпускулярной философии» Ломоносов указывает в трудах английского химика, физика и философа Роберта Бойля (1627–1691), а не в трудах Вольфа. Возможно, где-то около 1736 года во время учебы в Марбургском университете (1736–1739) Ломоносов прочел книгу Бойля «Происхождение форм и качества согласно корпускулярной философии» (1666), где автор писал о неделимых атомах, различающихся величиной и формой. Вольф же пытался доказать, что понятие неделимого и протяженного атома абсурдно. Элементами всех вещей он полагал «простые вещи», неделимые, не имеющие величины, фигуры и внутреннего движения. Отрицая атомизм, Вольф полагал, что представление о потоках мелких (но делимых) материальных частицах могут помочь объяснению природных явлений*. Такое отступление Вольфа от основ собственной метафизики могло повлиять на Ломоносова, но это влияние сливалось с общим влиянием атомизма.

Уже в Марбурге в «Физической диссертации о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул, которую для упражнения написал Михайло Ломоносов, студент математики и философии, в 1739 году в марте месяце» Ломоносов сделал выбор в пользу «корпускулярной философии», а не в пользу «простых вещей» Вольфа. Здесь Ломоносов вводит понятие «элемент»: «Элемент есть часть тела, не состоящая из каких-либо других меньших и отличающихся от него тел»**. Затем он вводит понятие «первичная корпускула», которая имеет «основанием своего сложения элементы» (там же, с. 10). «Производные корпускулы» имеют «основанием своего сложения меньшие корпускулы» (там же, с. 10). Чуть позже в «[Заметках по физике и корпускулярной философии]» (1741–1743, опубл. в 1934 году) Ломоносов отождествил «корпускулы» и «монады» (там же, с. 32). Примерно в то же время Ломоносов ввел понятие «физической монады», т. е. «нечувствительной физической частицы», которая не может быть разделена на другие меньшие частицы (там же, с. 53). Фигура такой «физической монады» неизменна. Позже в работе «Слово о происхождении света» (1756, опубл. в 1757 году) Ломоносов писал о «шаричках»: «Представьте себе всемирного строения пространство, из шариков нечувствительной, но разной величины состоящее; поверхность их, наполненную частыми и мелкими неровностями, которыми оные частицы наподобие зубцов, каковы на колесах бывают, друг с другом сцепиться могут» (там же,

* Вольф Х. Метафизика // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 295.

** Ломоносов М. В. Избр. произведения. Т. 1. М., 1986. С. 29.

с. 250). «Элементы», «физические монады», «шарички» Ломоносова близки понятию оформленного неделимого атома. Пока это можно хоть как-то согласовать с Вольфом, который учил, что для объяснения событий в мире не обязательно объяснять из «простых вещей», но можно объяснять из «составных вещей»*.

Однако уже в работе «Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств» (1743–1744, рус. сокр. перевод 1904 год) Ломоносов доказывал невозможность существования физических частиц, не имеющих протяжения. Для этого он различал реальное физическое деление и воображаемое математическое деление: «Чисто математическое деление определяется произвольно, и нельзя доказать, что части тел, назначенные математически, реально отделимы друг от друга»**. Понятие «непротяженной частицы» противоречиво (там же, с. 46). В результате тела состоят из протяженных физических частиц: «Мы совершенно не касаемся воображаемой делимости материи до бесконечности, т. к. считаем возможным, не опасаясь ошибок, обходиться без нее в физике» (там же, с. 53). Эти рассуждения направлены против непротяженных «простых вещей» Вольфа. Тем самым Ломоносов включился в спор о монадах, происходивший в то время в Германии, заняв антивольфянскую позицию.

При этом он искал сочувствия у Леонарда Эйлера⁴ (1707–1783). В письме к Эйлеру от 5 июля 1748 года Ломоносов писал: «Хотя все это и даже всю систему корпускулярной философии мог бы я опубликовать, однако боюсь, как бы не показалось, что я даю ученому миру незрелый плод скороспелого ума, если я выскажу много нового, что по большей части противоположно взглядам, принятым великими мужами» (там же, с. 109). В письме от 12 февраля 1754 года Ломоносов писал, что давно раскритиковал бы распространенные представления о бестелесных монадах, но боится «омрачить старость мужу, благодеяния которого по отношению ко мне я не могу забыть; иначе я не побоялся бы раздразнить по всей Германии шершней-монадистов» (там же, с. 500). Таким образом, Ломоносов обозначил мотивы неопубликования своей «корпускулярной философии»: 1) незрелость теории, противоречащей «великим мужам», среди которых имелся в виду и Вольф; 2) боязнь огорчить Вольфа. 9 апреля 1754 года Вольф умер. Почему же Ломоносов не опубликовал своих антивольфовских работ? Все же боялся немецких «шершней-монадистов»? Надеялся опубликовать вызревшую «корпускулярную философию»? Увлекся другими вопросами? Ответить однозначно на эти вопросы не представляется возможным.

* Вольф Х. Метафизика // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 295.

** Ломоносов М.В. Избр. произв. Т. 1. М., 1986. С. 45.

Почему же Ломоносов искал сочувствия именно у Эйлера? Свои философские взгляды Эйлер наиболее полно изложил в письмах к маркграфине Софии-Шарлотте Бранденбургской в 1760—1762 годах. Эти письма были переведены: Леонард Эйлер. Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе. З чч. <Пер. С. Я. Румовского>. СПб., 1768—1774. Здесь Эйлер резко выступает против лейбнице-вольфовой монадологии: «Монадисты суть люди весьма опасные...» (ч. 2, с. 242). Он считал, что из не имеющих протяжения монад невозможно составить какую-либо протяженную величину. Эйлер критиковал вольфианцев, смазывавших различие тела и духа: «Я не могу себе представить, чтоб душа моя была существо, подобная последним тела частицам, или чтоб она не что иное что была, как точка и еще того страннее мне кажется, чтоб множество душ, вместе взятых и сложенных могли составить тело, например, клочок бумаги, которою можно раскурить трубку табаку» (ч. 2, с. 51). Эйлер полагал, что «система предопределенного согласия» (принцип предустановленной гармонии) исключает свободу воли. Этим «исправергается все нравоучение и всех злых дел виною будет Бог, что думать без сомнения было бы нечестиво» (ч. 2, с. 19). В такой системе теодицея невозможна*. Ломоносов не мог знать этих писем, но, по всей видимости, знал антивольфианские настроения Эйлера, а потому именно к нему и обращался.

С другой стороны, в самых ранних не опубликованных при жизни работах Ломоносова звучит восхищение «геометрическим методом» Евклида — Вольфа: «Если бы те, которые все свои дни затемняют дымом и сажей и в мозгу которых господствует хаос от массы непродуманных опытов, не гнушались поучиться священным законам геометров, которые некогда были строго установлены Евклидом и в наше время усовершенствованы Вольфом, то несомненно могли бы глубже проникнуть в таинства природы, истолкователями которой они себя объявляют»**. Этот метод — руководство и для Ломоносова: «В деле, столь глубоко скрытом и непосредственно недоступном чувствам, я постараюсь двигаться самым осмотрительным образом (а проверял я, как на пробном камне, по правилу, предписанному славным Вольфом в Элементах арифметики, т. е. заимствованному от деления чисел); я не признаю никакого измышления и никакой гипотезы, какой бы вероятной она ни казалась, без точных доказательств, подчиняясь правилам, руководящим рассуждениями» (там же, с. 32). «Правила, руководящие рассуждениями»

* Пустарнаков В.Ф. Философия Вольфа и «русская вольфиана» в отечественной историографии // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 174—182.

** Ломоносов М. В. Избр. произв. Т. 1. М., 1986. С. 28.

или «математические и философские аксиомы» — это, как и у Вольфа, законы противоречия и достаточного основания: «одно и то же не может одновременно быть и не быть» и «ничто не происходит без достаточного основания» (там же, с. 28). В работе «Размышления о причине теплоты и холода» (1749; опубл. в 1750 году) Ломоносов совсем по-вольфовски отдает *a priori* приоритет над *a posteriori*: «Нет более надежного способа доказательства, чем способ математиков, которые подтверждают выведенные *a priori* положения примерами и проверкой *a posteriori*» (там же, с. 79). «Геометрический метод имеет онтологические основания: «Все, что есть в природе, математически точно и определенно» (там же, с. 35).

Но чем же «геометрический метод» является для Ломоносова? Методом систематизации уже готового знания? Или методом добычи нового знания? Ломоносов писал, что «в науке принято доказывать утверждаемое» (там же, с. 25). И еще: «то, о чем мне предстоит говорить, я намерен изложить на началах математических и философских» (там же, с. 28). Но откуда берется это «утверждаемое» и «то, о чем мне предстоит говорить»? Ответ раннего Ломоносова звучит не по-вольфовски: доказываемое, утверждаемое прежде всего нужно познать практически (там же, с. 26). Лишь только теоретик — не истинный химик. «Но и те, кто усаждают себя одними умозрениями, не могут считаться истинными химиками» (там же, с. 26). Это утверждение явно антивольфовское, ибо именно Вольф декларировал возможность умозрительного вывода в рамках своей системы всей возможной практики.

Ставит Ломоносов и пределы применения математических методов: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал Свое Величество, в другой Свою Волю. Первая — видимый сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность Его зданий, признал Божественное Всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга — Священное Писание. В ней показано Создателево благоволение к нашему спасению. В сих пророческих и апостольских богохновенных книгах истолкователи и изъяснители суть великие церковные учители. А в оной книге сложения видимого мира сего суть физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных, в природу влиянных действий суть таковы, каковы в оной книге пророки, апостолы и церковные учители. Нездраворассудителен математик, ежели он хочет Божескую Волю вымерять циркулом. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по Псалтире научиться можно астрономии и химии» (там же, с. 336). В письме к Эйлеру, написанному не ранее 21 февраля 1765 года, Ломоносов писал: «Высшая алгебра — жалкое орудие в делах моральных» (там же. Т. 2, с. 332). Эти мысли Ломоносова можно истолковать как направленные против тех адептов «геометрического метода» (к ним можно причислить

и Вольфа), которые утверждали его всемогущество и вторгались и в область Божественного, и в область морали. У позднего Ломоносова от вольфовского максимализма ничего не осталось. Осталась лишь мудрость ученого: «Из наблюдений устанавливать теорию и с помощью теории исправлять наблюдения — таков наилучший способ отыскания истины» («Размышления о точном определении пути корабля» (1759; опубл. в 1759 году) // Там же. Т. 1. С. 316). Истина открывается в единстве априорного и апостериорного доказательства. Это об «отыскании истины». Неизменным оставалось уважение к Вольфу-дидактику, давшему способ «внятного и порядочного расположения мыслей» (там же, с. 271). Соответственно, изложение у Ломоносова, так же как и у Вольфа, разбито на параграфы, доказательства ведутся посредством ссылок на результаты предыдущих параграфов. После всего сказанного можно ли причислять Ломоносова к лейбницианцам и даже к вольфианцам? Вряд ли, хотя и знаменательно, что у истоков столь развитого русского неолейбницианства стоял ученик лейбницианца Вольфа.

